Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Ткачук М.Л.

«АКАДЕМИЮ БЕСКОНЕЧНО ЛЮБЛЮ...»: АРХИЕПИСКОП ВАСИЛИЙ (БОГДАШЕВСКИЙ) КАК СТУДЕНТ, ПРОФЕССОР И РЕКТОР КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Труды Киевской духовной академии,
№16, с. 27-56

© Создание электронного варианта:

Киевская духовная академия
http://kdais.kiev.ua

Киев, 2013

ДО 150-РІЧЧЯ З ДНЯ НАРОДЖЕННЯ АРХІЄПИСКОПА ВАСИЛІЯ (БОГДАШЕВСЬКОГО)

Ткачук М. Л.

«Академию бесконечно люблю...»: архиепископ Василий (Богдашевский) как студент, профессор и ректор Киевской духовной академии

В истории Киевской духовной академии (КДА) конца XIX — первой четверти XX вв. особое место принадлежит архиепископу Василию (Богдашевскому, 1861–1933) — одному из самых выдающихся ее воспитанников, жизнь и судьба которого связана с Alma mater неразрывными узами. Однако, как ни парадоксально, архиепископ Василий — «человек науки: академический в точном смысле этого слова» (по меткому выражению одного из близких его коллег — профессора КДА С. Т. Голубева[1]), именно в «академическом» контексте известен сегодня в наименьшей степени. В немногочисленных биографических очерках, посвященных владыке Василию, его глубинная и многообъемлющая связь с КДА, в которой он состоялся во всех своих ипостасях — богослова, философа, церковного и общественного деятеля — присутствует едва ли не в «пунктирном» освещении, ограничивающемся информацией, традиционной для «формулярного списка». Отчасти восполняют указанный пробел несколько специальных публикаций, посвященных деятельности Василия (Богдашевского) в качестве ректора КДА[2], однако и они являются скорее свидетельством возрастающего интереса к незаурядной личности, часто оказывавшейся в эпицентре драматических событий церковной жизни революционного и раннесоветского времени, чем исследованиями, претендующими на полноту и всесторонность. К сожалению, время подобной «всесторонности» еще не настало — слишком уж много «белых пятен» оста-

[1] Горохов Д. Из академической жизни // ТКДА. 1913. № 7. С. 557.

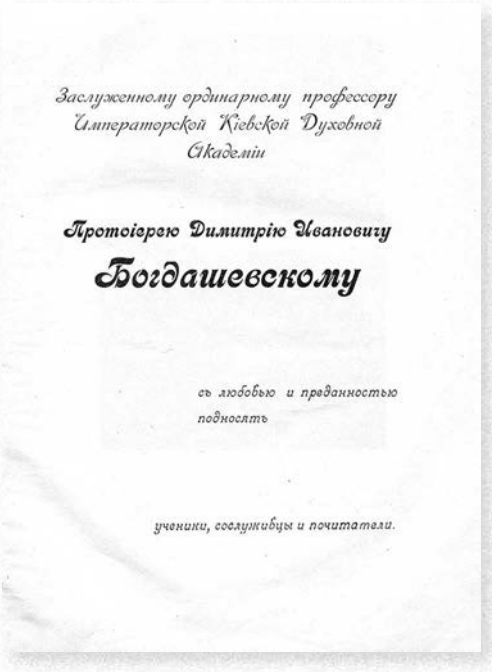
[2] См.: Заев Василий, прот. Епископ Каневский Василий (Д. И. Богдашевский), последний ректор КДА (нач. XX ст.) // ТКДА. 2002. № 4. С. 73–107 [С. 86–107 — приложение в виде нескольких речей владыки и перечня его публикаций. — М. Т.]; Петрушко Владислав. Священноисповедник Василий (Богдашевский), архиепископ Каневский, и Киевская духовная академия в годы послереволюционной смуты на Украине. // Україна православна [электронный ресурс] URL: http://pravoslavye.org.ua/index.php?action=fullinfo&r_type=&id=5826.html.

Общий вид Киево-Братского монастыря и Киевской духовной академии. 1903 г.

**Профессор Д. И. Богдашевский.
1905 г.**

**Протоиерей Димитрий Богдашевский.
1913 г.**

Архимандрит Василий (Богдашевский).
1914 г.


Заслуженному ординарному профессору
Императорской Кіевской Духовной
Академіи

Протоіерею Димитрію Ивановичу
Богдашевскому

съ любовью и преданностью
подносятъ

ученики, сослуживцы и почитатели.

Киево-Могилянский сборник
в честь профессора протоиерея
Д. Богдашевского. Титульный лист. 1913 г.

Собор Киевских викарных епископов. В первом ряду второй справа —
архиепископ Каневский Василий (Богдашевский), 1-й викарий Киевской епархии.
Киев, 1 мая (ст. ст.) 1926 г. (снимок сделан после служения в Софийском соборе)

ется сегодня и в истории КДА последних лет ее существования, и в завершающем этапе биографии архиепископа Василия (Богдашевского); немало документов предстоит не только изучить и осмыслить, но и попросту отыскать, осознавая при этом, что часть из них может оказаться утраченной безвозвратно или недоступной для исследователей. Поэтому и наш очерк, не претендуя на исчерпывающий анализ заявленной темы, представит лишь попытку реконструкции «академической» составляющей жизни и деятельности владыки Василия в ее становлении и развитии.

Как известно, начало жизненного пути Дмитрия Ивановича Богдашевского (таким было мирское имя будущего архиепископа) сложилось вполне традиционно для воспитанника дореволюционной духовной школы. Сын сельского священника[3], воспитанник Милецкого духовного училища[4] (1872–1876) и Волынской духовной семинарии[5] (1876–1882), многие выпускники которой стали в будущем известными церковными иерархами, богословами, философами, деятелями культуры[6]. Как лучший из окончивших богословское отделение семинарии, в 1882 г. он был направлен для поступления в Киевскую духовную академию. Успешно сдав семь вступительных экзаменов и продемонстрировав «отличные познания», Д. Богдашевский имел все основания чувствовать себя уже студентом, если бы не некоторые обстоятельства, лишившие его радости жизни на целый год. При медицинском осмотре у него заподозрили туберкулёз, из-за чего его признали «ненадежным к продолжению усиленных учебных занятий»[7]. И хотя, к счастью, штатный консультант Академии доктор медицины Алферьев препятствий для продолжения Богдашевским образования не нашел, решение Совета КДА «поставить на вид» Волынскому семинарскому начальству необходимость уделять «должное внимание» состоянию здоровья воспитанников, направляемых в Академию[8], красноречиво свидетельствует о том, что основание для подозрений было более чем достаточное.

---

[3] Д. И. Богдашевский родился 19 (31 — по нов. стилю) октября 1861 г. в с. Завидове Владимир-Волынского уезда Волынской губернии (ныне — Иваничевского района Волынской области). Далее все даты до 1 марта 1918 г. указаны по старому стилю (юлианскому календарю).

[4] Милецкое духовное училище — начальное учебное заведение для детей православного духовенства Волыни. В 1842–1894 гг. оно функционировало на территории Николаевского мужского монастыря в небольшом местечке Мильцы (ныне — село в Старовижевском районе Волынской области). Обучение велось по единой для всех православных духовных училищ Российской империи программе.

[5] В 1836–1902 гг. Волынская духовная семинария находилась в г. Кременце (ныне — Тернопольской области).

[6] Среди них — архиепископ Димитрий (Ковальницкий), епископ Сильвестр (Малеванский), Стефан Сольский, Аким и Маркеллин Олесницкие, Орест Новицкий, Иосиф Михневич и др.

[7] См.: Извлечение из протоколов заседаний Совета КДА 2 сентября 1883 г. // ТКДА. 1883. Т. 2. С. 76.

[8] Там же. С. 76–77.

Повод для душевных переживаний был и у самого Д. Богдашевского: незадолго до этого та же тяжкая болезнь отняла у него старшего брата Апеллия — также блестяще окончившего Волынскую семинарию и ставшего студентом КДА[9]. Неудивительно, что мысли о болезни и возможной преждевременной смерти становятся для впечатлительного первокурсника фоном его повседневного существования. «Мог ли я в самом деле серьезно работать, когда одна мысль, одно чувство постоянно тяготило меня... когда будущее, по моим предположениям страшное, постоянно висело надо мной, как Дамоклов меч?»[10], — записывает он в дневнике год спустя, когда страхи и тревожное мироощущение понемногу отступили, хотя и не исчезли совсем. Однако первый год студенческой жизни не прошел для Богдашевского даром: настоящим спасением для него стала «глубокая религиозная вера... вера в святой Промысл», развившаяся и укрепившаяся за это время. «Вот причина, — замечает он, — почему этот год для выработки убеждений чисто православно-конфессионального характера был чрезвычайно полезен для меня. Убеждения мои теперь получили твердость, устойчивость. Да и, вообще сказать, в отношении практической жизни этот год помог мне много»[11].

Восстановлению душевного равновесия Д. Богдашевского немало способствовала атмосфера духовно-академической жизни, наполненная повседневными, по его словам, «проявлениями деятельности», и, в особенности, «культ» научного творчества, поддерживаемый ректором епископом Михаилом (Лузиным) и рядом профессоров КДА 1880-х гг., заслуженно снискавших авторитет крупных ученых. О том, что посеянные ими зёрна любви к науке нашли в душе одаренного юноши Богдашевского искренний отклик, свидетельствует его запись, сделанная накануне второго учебного года (31 августа 1883 г.): «Я вполне сознаю, что цель академии, как и всякого высшего заведения, высока... что поступление мое в нее не должно ограничиваться получением только диплома, что составляет цель многих. Нет, нужно работать и работать самостоятельно. Нужно развить в себе этот дух научного труда, о котором упоминал преосвященный еп. Михаил в своей прощальной речи. Вот почему в наступающий год я постараюсь работать далеко серьезнее»[12].

Оглядывая студенческие годы Богдашевского через призму всей последующей его жизни, совпавшей с эпохой всеобъемлющих потрясений первых десятилетий XX в., нельзя не отметить некоей символичности

[9] Апеллий Богдашевский, поступивший в Академию в 1879 г., умер год спустя, едва достигнув 21-летнего возраста.

[10] Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. 191. № 74. Л. 55.

[11] Там же.

[12] Там же.

в переменах, выпавших на долю его курса, которому довелось пережить смену ректора[13], инспектора[14], ряда профессоров, а главное — самого духовно-академического устава, новая редакция которого (1884) была введена в КДА в 1884–1885 учебном году и внесла серьезные изменения в прежнюю систему обучения. Отмена специализаций и, соответственно, отделений, избранных в начале первого курса, пертурбации с общеобязательными и специальными дисциплинами, а также курсовыми и кандидатскими сочинениями, необходимость перестраиваться на ходу и «восполнять пробелы» в соответствии с переходным учебным планом, конечно же, потребовали от студентов дополнительного напряжения и мобилизации всех внутренних сил. Так, обучавшемуся в течение первых двух лет на богословском отделении Д. И. Богдашевскому в последующие два года пришлось осваивать целостный академический курс в интенсивном аудиторном режиме, сохранявшемся и в процессе подготовки кандидатского сочинения.

Однако во всех этих переменах был и свой позитивный смысл, отвечавший его интуитивному стремлению к выработке целостного, систематического мировоззрения, всестороннего богословского и общего образования. Немалую пользу профессиональному и личностному становлению Богдашевского принесла возможность прослушать целый ряд незаурядных курсов, стимулировавших выявленную еще в первые годы обучения тягу к самостоятельному изучению источников и «очень ученых исследований»[15]. В частности, ему посчастливилось учиться у таких крупных специалистов: в области библеистики — у епископа Михаила (Лузина), Стефана Сольского, Акима Олесницкого, Федора Покровского, догматики — епископа Сильвеста (Малеванского) и Митрофана Ястребова, философии — Петра Линицкого, психологии — Дмитрия Поспехова, нравственного богословия — Маркеллина Олесницкого[16], литургики — Алексея Дмитриевского, патрологии — Константина Попова, гомилетики — Василия Певницкого, церковной истории — епископа Димитрия (Ковальницкого)[17] и Ивана Малышевского. Немаловажно отметить, что большинство из его профессоров пребывало в расцвете творческих сил и являло для таких расположенных к занятиям наукой студентов, как Дмитрий Богдашевский, убедительный пример научного подвижничества.

---

[13] 19 марта 1883 г. ректор КДА еп. Михаил (Лузин) получил назначение на Курскую и Белгородскую кафедру. 11 апреля того же года ректором КДА был назначен архим. Сильвестр (Малеванский) (в епископском сане — с 1885 г.).

[14] 16 июня 1883 г. Акима Олесницкого сменил на посту инспектора КДА прот. Иоанн Корольков.

[15] ИР НБУВ. Ф. 191. № 74. Л. 56.

[16] Под его руководством Богдашевский осваивал также курс педагогики.

[17] В бытность Богдашевского студентом — еще мирянина Михаила Ковальницкого.

Завершая академический курс первым в разрядном списке выпускников КДА 1886 г.[18], Д. И. Богдашевский мог быть вполне доволен своими результатами. За его плечами была уже первая самостоятельная публикация[19]. Его кандидатская работа «Лжеучения, обличаемые в Первом послании ап. Иоанна», признанная лучшей на курсе и удостоенная Иосифовской премии[20], получила весьма лестную оценку такого авторитетного специалиста, как С. М. Сольский, отметившего «достаточную научную подготовку» автора, выявленное им знакомство с обширной литературой предмета, владение «критическими приемами» и навыками «филологических изысканий», способность к «спокойной и серьезной оценке» мнений исследователей, самостоятельным выводам и умозаключениям, умение избегать «влияния иностранной экзегетической литературы»[21]. Совершенно закономерно, что перспективный кандидат богословия, заслуживший право на получение степени магистра после удовлетворительной защиты доработанной и опубликованной кандидатской работы (без дополнительных «испытаний»), Дмитрий Богдашевский был оставлен в КДА профессорским стипендиатом вакантной кафедры логики и метафизики (под руководством Д. В. Поспехова и П. И. Линицкого) сроком на один год (с 16 августа 1886 г. по 16 августа 1887 г.)[22]. В декабре 1886 г. Совет КДА принял решение считать Д. И. Богдашевского стипендиатом кафедры истории философии, удовлетворив просьбу П. И. Линицкого предоставить ему со следующего учебного года кафедру логики и метафизики, «как более трудную и более удобную для профессора, изучавшего философию в течение 20 лет»[23].

16 августа 1887 г. Д. И. Богдашевский был зачислен в штат Киевской духовной академии «исполняющим должность доцента» по кафедре истории философии. Так началась новая, важная страница его биографии, связанная с преподавательской деятельностью. Поздравляя Богдашевского с несомненным успехом и поддерживая в нем чувство уверенности в будущем, его близкий друг и однокурсник протоиерей Стефан Недельский восторженно писал: «Ты сила <...> для науки, человече-

[18] Извлечение из протоколов заседаний Совета Киевской Духовной Академии 3 июня 1886 г. // ТКДА. 1887. № 4. С. 225.

[19] См. его: Учение о пастырстве в поучениях и посланиях русских митрополитов и епископов XII–XIV вв. // Волынские Епархиальные Ведомости. 1885. № 35–36. Часть неофициальная.

[20] Премия имени митрополита Литовского Иосифа (Семашко) присуждалась по решению академических Советов лучшим кандидатским сочинениям выпускников православных духовных академий.

[21] См.: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии 30 мая 1886 г. // ТКДА. 1886. № 11. С. 130.

[22] См.: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии 5 ноября 1886 г. // ТКДА. 1887. № 7. С. 49.

[23] См. там же. С. 57.

ства, не теряй светлого своего убеждения и праведности своей и составишь славу Волыни»[24].

По уставу 1884 г., не внесшему существенных изменений в преподавание истории философии в духовных академиях, историко-философский курс по-прежнему читался студентам в течение первых двух лет обучения. Первый год посвящался древней (античной) философии, изучение которой предварялось введением в историю философии, знакомившим с предметом, задачами, методами и значением историко-философской науки. На втором году студенты осваивали средневековую и новоевропейскую философию, обозрение которой заканчивалось ознакомлением с философской системой Гегеля.

Конечно же, в первые годы преподавания Д. И. Богдашевскому довелось потратить немало сил на специальное углубленное изучение обширного историко-философского материала и подготовку лекционного курса. Сделать это было непросто, учитывая необходимость параллельной подготовки магистерской диссертации, касавшейся библейско-экзегетической сферы. К чести Богдашевского, обладавшего недюжинными интеллектуальными способностями, огромным трудолюбием, организованностью и методичностью, он справился со своими задачами в полной мере и уже в августе 1889 г. подал в Совет КДА текст магистерской диссертации «Лжеучители, обличаемые в Первом послании св. ап. Иоанна». Предварительное обсуждение диссертации состоялось 20 декабря 1889 г. Выступившие с обстоятельными рецензиями профессора С. М. Сольский и А. А. Олесницкий в целом высоко оценили результаты исследования магистрантом мало разработанной и трудоемкой темы, породившей множество противоречивых и разнородных точек зрения в богословской литературе. По мнению Стефана Сольского, несмотря на то, что «окончательный вывод автора требует еще более серьезного научного обоснования», добытые им результаты «уже не могут быть игнорируемы в научном отношении»[25]. Подчеркивая основательность и скрупулёзность исследования молодого коллеги, Аким Олесницкий отметил, что его сочинение «читается с интересом и свидетельствует о научной силе автора»; несмотря на некоторую его наклонность к «сложному логическому схематизму» и стремление «выражаться тезисами», подготовленная им диссертация может послужить «полезным пособием для изучающих апостольские послания»[26].

Допущенная к защите на основании положительных отзывов рецензентов, магистерская диссертация Д. И. Богдашевского в марте — августе 1890 г.

---

[24] ИР НБУВ. Ф. 191. № 777. Л. 1.

[25] См.: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии 20 декабря 1889 г. // ТКДА. 1891. № 4. С. 97–98.

[26] См. там же. С. 98–99.

была опубликована в «Трудах Киевской духовной академии» и вышла отдельным изданием. Защита диссертации (магистерский коллоквиум)[27], состоявшаяся 11 сентября 1890 г. на заседании Совета КДА, прошла успешно, принеся ее автору степень магистра богословия[28] и звание доцента.

1890-е гг. в преподавательской деятельности и научном творчестве Д. И. Богдашевского являются, преимущественно, «историко-философским периодом», отмеченным весьма продуктивными исследованиями в области истории античной философии[29] и кантоведения[30]. Историко-философские труды Богдашевского отличаются подлинной научной добросовестностью и профессионализмом, демонстрируют как основательное знание первоисточников, так и свободное владение новейшей литературой предмета. Особого внимания в этом смысле заслуживает его работа «Философия Канта», содержащая обстоятельное изложение и анализ «Критики чистого разума» и «Критики практического разума». Весьма удачная в дидактическом отношении, эта книга не утратила своего значения и ныне: убедительным примером ее востребованности является недавнее репринтное переиздание в серии «Из наследия мировой философской мысли. Теория познания»[31]. Важно отметить, что, придавая изучению философии Канта большое значение в богословском образовании, Д. И. Богдашевский стимулировал и поощрял интерес студентов КДА к наследию великого немецкого философа. В частности, в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского хранится неоконченный перевод на русский язык одного из важнейших трудов Канта «Основы метафизики нравственности», осуществлявшийся под руководством и редакцией Богдашевского студентами КДА (1894–1898) Михаилом Посновым (в будущем — известным историком Церкви) и Иваном Артинским[32].

На наш взгляд, интенсивные занятия историей философии в 1886–1897 гг. сыграли значительную роль в становлении Дмитрия Богдашевского не только как преподавателя, но, прежде всего, как ученого и исследователя, немало способствовав расширению его умственного кругозора,

[27] См.: Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии 11 сентября 1890 г. // ТКДА. 1892. №2. С. 53–55. Официальными оппонентами Д. И. Богдашевского выступили проф. С. М. Сольский и доц. А. С. Царевский.

[28] Утвержден в степени магистра указом Св. Синода от 17 ноября 1890 г.

[29] В 1895–1897 гг. он публикует в ТКДА три обстоятельные работы: «Об источниках к изучению философии Сократа» (1895–1897); «Греческие софисты» (1897) и «Учение Платона о знании» (1897). В 1898 г. эти исследования выходят отдельной книгой. См.: Богдашевский Д. И. Из истории греческой философии. К., 1898. 175 с.

[30] На протяжении 1898 г. в ТКДА печаталась его работа «Философия Канта», в том же году вышедшая отдельным изданием: Богдашевский Д. И. Философия Канта. Вып. 1. Анализ «Критики чистого разума» и «Критики практического разума». К., 1898. II, 175 с.

[31] Богдашевский Д. И. Философия Канта: Анализ «Критики чистого разума» и «Критики практического разума». М.: URSS, 2012. 168 с.

[32] ИР НБУВ. Ф. 191. №. 115. 76 л.

развитию целостного, систематического, методичного и критического мышления, навыков анализа и интерпретации текстов. И всё же, следует принимать во внимание тот неоспоримый факт, что историко-философский период в его академической деятельности был, в сущности, счастливой случайностью, продиктованной «производственной необходимостью» обеспечить штатным преподавателем кафедру истории философии, оказавшуюся вакантной. Подспудно в Богдашевском со студенческих лет сохранялся живой интерес к библеистике, не исчезавший и в годы занятий историей философии[33] и только ждавший своего возвращения от «философии человеческой» к «философии евангельской», составлявшей «истинное отечество» его духа[34].

Не удивительно поэтому, что как только кафедра Священного Писания Нового Завета оказалась вакантной[35], Д. И. Богдашевский подал прошение о переводе. Совет КДА отнесся к его стремлению с пониманием: с 4 февраля 1897 г. он стал доцентом указанной кафедры, а спустя неделю приступил к чтению любимого предмета[36]. С кафедрой Священного Писания Нового Завета связана вся дальнейшая преподавательская деятельность Богдашевского: здесь он станет экстраординарным (1902), ординарным (1905) и заслуженным (1912) профессором.

Возможность всецело сосредоточиться на главном предмете своих «ученых занятий», представившаяся Д. И. Богдашевскому с приходом на одну из важнейших академических кафедр, стала существенным стимулом для его научной деятельности в области библеистики. С конца 1890-х гг. из года в год растет количество его публикаций в области новозаветной исагогики, экзегетики, библейской истории. И не просто публикаций, а серьёзных исследований, составивших значительный вклад в развитие православной богословской науки и снискавших ему заслуженный авторитет в духовно-академической среде. Не случайно в 1900–1915 гг. его труды в области библеистики будут 12 (!) раз от-

[33] Помимо магистерской диссертации, в 1890-х гг. Д. И. Богдашевским опубликован ряд экзегетических исследований в ТКДА («Объяснительные замечания к наиболее трудным местам соборного послания св. ап. Иакова», 1894) и журнале «Миссионерское обозрение» («Объяснительные замечания к местам Св. Писания, неправильно понимаемым штундистами и другими сектантами. Из соборных посланий», 1896; «Противосектанское объяснение Иакова 1, 1–18», 1897).

[34] Горохов Д. Указ соч. С. 562.

[35] 25 января 1897 г. Св. Синод удовлетворил прошение об отставке (по состоянию здоровья) заслуженного ординарного профессора С. М. Сольского, преподававшего Св. Писание Нового Завета в КДА с 1864 г.

[36] До конца 1896/97 учебного года Д. И. Богдашевский преподавал Св. Писание Нового Завета параллельно с историей философии, оставаясь до замещения образовавшейся вакансии ее преподавателем. В июне 1897 г. и.о. доцента по кафедре истории философии стал П. П. Кудрявцев — выпускник КДА (1892) и подопечный Богдашевского в качестве профессорского стипендиата в 1892/93 учебном году.

мечены академической премией имени епископа Курского Михаила[37] и три православные академии — Московская (1914), Санкт-Петербургская (1915) и Казанская (1915) — изберут его своим почетным членом («во уважение ко многолетней и плодотворной профессорской деятельности и... многочисленным научно-литературным трудам по Священному Писанию Нового Завета»[38]).

Однако особенно значимым для Д. И. Богдашевского признанием его научных заслуг стало присуждение Советом КДА (12 октября 1904 г.[39]) степени доктора богословия за «капитальный», говоря словами профессора МДА Митрофана Муретова[40], труд «Послание св. ап. Павла к Ефесянам»[41], явившийся первым в русской богословской науке целостным и систематическим исагогико-экзегетическим исследованием одного из важнейших и труднейших для истолкования новозаветных текстов. По единодушному мнению рецензентов (Василия Экземплярского и Константина Попова), богатство содержания, всесторонность и тщательность исследования текста, глубокое проникновение в смысл апостольского послания, «полнейшая верность церковному преданию при удовлетворении всем строгим истинно научным требованиям», являясь отличительными особенностями труда Богдашевского, придают ему «высокую научно-богословскую ценность» и делают его не только «выдающимся явлением» в русской богословской науке, но и «видным» событием европейского масштаба[42].

Конструктивный анализ западной богословской литературы, сочетание аргументированной и корректной критики с уважительным отношением к ее «действительно ценным научным приобретениям», опора на широкую источниковедческую базу и скрупулёзный текстологический анализ, укорененность в церковном предании, последовательное и ясное изложение, чуждое словесных нагромождений и искусственного «оригинальничания», свидетельствующее о подлинном проникновении в сущность предмета, — все эти качества, отчетливо проявившиеся в докторской работе Д. И. Богдашевского, свойственны и последующим

---

[37] Премия имени епископа Курского Михаила (Лузина) присуждалась наставникам и воспитанникам КДА за исследования Св. Писания.

[38] Почетные члены императорской Московской Духовной Академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.) // Богословский вестник. 1915. № 10–12. С. 821.

[39] Решение Совета КДА о присвоении Д. И. Богдашевскому докторской степени утверждено Св. Синодом 14 декабря 1904 г.

[40] См.: Муретов М. Д. Новый Завет как предмет православно-богословского изучения // Муретов М. Д. Избранные труды. М., 2002. С. 107.

[41] Богдашевский Д. И. Послание св. ап. Павла к Эфесянам. Исагогико-экзегетическое исследование. К., 1904. VIII, 703 С. Первопубликация разделов этой работы была осуществлена в ТКДА в 1900–1904 гг.

[42] Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии 12 сентября 1904 г. // ТКДА. 1905. № 3. С. 132–144; № 4. С. 165–169.

его исагогико-экзегетическим исследованиям, опубликованным в «Трудах Киевской духовной академии» и в обобщенном виде представленным в его «Опытах по изучению Священного Писания Нового Завета»[43]. Те же особенности отличают и еще один фундаментальный труд «мастера» — его исследование «Евангелие от Матфея»[44], посвященное 300-летнему юбилею «дорогой Матери», Киевской духовной академии, и ставшее вершиной его научно-богословского творчества[45].

Доскональное овладение предметом своих многолетних научных исследований самым позитивным образом сказалось и на качестве преподавательской деятельности Д. И. Богдашевского, с 1897 г. всецело посвященной Св. Писанию Нового Завета. Программа двухгодичного курса, предназначенная для студентов 3-го и 4-го годов обучения, охватывала, по сути, весь круг проблем, представленных в его изысканиях и касавшихся как общих представлений о новозаветных текстах, их языке, истории и критике, так и конкретного исагогико-экзегетического анализа Евангелия, Книги Деяний, Апостостольских посланий и Книги Откровения (Апокалипсиса). Посетивший лекции Богдашевского во время известной ревизии КДА весной 1908 г. Антоний (Храповицкий), тогда — архиепископ Волынский и Житомирский, не скрывая восхищения, писал в своем отчете: «Это безусловно блестящий профессор: он говорит лекцию наизусть, говорит с увлечением, с энтузиазмом. Огромное достоинство его преподавания, редко встречающееся у представителей этой кафедры, заключается в полной освоенности и широком пользовании библейским *параллелизмом*. Имея в голове Библию и распоряжаясь подбором библейских изречений на память, как опытный музыкант клавишами рояля, г. Богдашевский без труда 1) опровергает теории о неподлинности и позднейшем происхождении той или другой библейской книги; 2) истолковывает самые запутанные по смыслу изречения; 3) устанавливает время и место написания св. книги. Правда, и он, по-видимому, более уделяет внимания исагогике, но и экзегетику не обходит, — именно, изъясняет наиболее трудные места каждого Послания и Евангелия. Особенно отрадно то, что направление его толкования строго церковное. Он выступает на кафедре не только как апологет Нового Завета, но и как апологет строго церковного его понимания,

[43] См.: Богдашевский Д. И. Опыты по изучению Священного Писания Нового Завета. К., 1909. 269 с.; Его же. Опыты по изучению Священного Писания Нового Завета. Вып. 2. Книга Деяний Апостольских. К., 1911. 108 с.

[44] Василий (Богдашевский), еп. Евангелие от Матфея. Критико-экзегетическое исследование. К., 1915. XXXIX, 524 с.

[45] Как свидетельство высокой оценки этой книги в профессионально-богословских кругах, приведем выдержку из адресованного его автору письма профессора КДА прот. И. Н. Королькова (1926): «Назидаюсь и услаждаюсь чтением Вашего исследования о Ев. от Матфея. Какое богатство сведений и сколько критико-экзегетических толкований заключается в Вашем труде, за который всякий читатель скажет Вам великое “спасибо”» (ИР НБУВ. Ф. 191. № 654. Л. 1).

как апологет церковного предания о Священном Писании. Не менее отрадно и то, что студенты особенно живо интересуются его лекциями, и хотя их восхищение выражается нередко в нелегальной форме аплодисментов, но это можно простить ввиду столь достойного предмета их шумного одобрения»[46].

Следует заметить, что восторженное отношение студентов к своему профессору, не утаившееся от ревизора, основывалось не только на уважении к научному достоинству его лекций, но и на ощущении той неподдельной, живой любви к предмету своей деятельности, которая отличала Богдашевского и как ученого, и как преподавателя. «Ваши питомцы, — писал выпускник КДА (1906–1910), доцент Сергей Епифанович в августе 1917 г., — с гордостью вспоминают Вас, как профессора: те, коих мне приходилось видеть в нашем захолустье, с жаром отдаваясь академическим воспоминаниям, всегда приводили о Вас на память много доброго, светлого, отрадного... Помню, между прочим, как подчеркивали, что и самый тон речи у Вас на кафедре всегда был иной, чем в обыкновенной беседе, что выходя на кафедру, Вы сразу как бы преображались, самой интонацией давая понять всю высоту положения совершающего свое великое дело профессора»[47]. Не случайно, мысль почтить 25-летие педагогической деятельности Д. И. Богдашевского (1912) изданием сборника научных трудов в его честь[48] родилась, прежде всего, среди его бывших студентов, ставших коллегами, от имени которых профессор КДА протоиерей Николай Гроссу[49] выразил искреннее восхищение «удивительным даром» почтенного наставника «привлекать к себе учеников и внушать им вкус к серьёзной и честной работе мысли», «заразительную любовь к благородному научному труду»[50]. О том же, что работа со студенчеством не ограничивалась лишь рамками повседневных учебных занятий и научным руководством, а принимала и неформальные, «внеклассные» формы, свидетельствует деятельность студенческого Златоустовского кружка, организованного в КДА к 1500-летию со дня кончины Иоанна Златоуста (1907), инициированного и руководимого Богдашевским вместе с одним из близких его коллег, тогда еще иеромонахом, Анатолием (Грисюком)[51].

---

[46] Антоний, архиеп. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909. С. 46.

[47] ИР НБУВ. Ф. 191. № 610. Л. 1.

[48] См.: Киево-Могилянский сборник в честь прот. Димитрия Ивановича Богдашевского, заслуженного ординарного профессора имп. Киевской духовной академии по случаю 25-летия его учебной деятельности. К., 1913. 625 с., XXV с.

[49] Н. С. Гроссу учился в КДА в 1889–1893 гг.

[50] См.: Горохов Д. Указ соч. С. 560–561.

[51] Ставя своей задачей изучение творений св. Иоанна Златоуста и популяризацию их содержания в обществе доступными для студентов способами, члены кружка выступали с соответствующими рефератами и проповедями. Кружок имел свою библиотеку, состоящую из Злато-

При всей поглощенности преподавательской и научной деятельностью, составлявшей для Д. И. Богдашевского, говоря его словами, «истинную отраду и утешение»[52], он не оставался в стороне ни от актуальных проблем религиозной мысли и церковной жизни[53], ни от процессов, связанных с попытками реформирования духовных академий в 1905–1908 гг. В частности, в составе делегации КДА Д. И. Богдашевский[54] принимал участие в работе межакадемической комиссии (10–22 ноября 1905 г.), выработавшей основное содержание Синодальных «временных правил»[55], регламентировавших деятельность духовных академий с 25 января 1906 г. по 4 февраля 1909 г. вместо приостановленного духовно-академического устава 1884 г. На заседании Совета КДА, состоявшемся 7 декабря 1905 г., он был избран в состав комиссии КДА, созданной для выработки «предположений об изменении академического устава»[56]. Наконец, по распоряжению Святей-

устовых творений и исследовательской литературы. Деятельность кружка продолжалась с 1907 по 1910 г. (прекратилась, вероятнее всего, в связи с перегруженностью Д. И. Богдашевского, назначенного в июне 1909 г. на должность инспектора КДА и ставшего в 1910 г., к тому же, редактором «Трудов КДА»). Подробнее см.: Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1907–1908 учебный год // ТКДА. 1908. № 11. С. 420; Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год // ТКДА. 1909. № 11. С. 463–464; Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1909–1910 учебный год // ТКДА. 1910. № 11. С. 498.

[52] См.: Горохов Д. Указ соч. С. 558.

[53] Свидетельством этому является целый ряд его работ, опубликованных в ТКДА, в частности: «О религиозном воспитании» (1896); «Закон и Евангелие. Против графа Л. Толстого» (1899); «О евангельских чудесах. Заметка против рационалистов и в частности против графа Л. Толстого» (1900); «О Евангелиях и евангельской истории. Против современного рационализма» (1902); «О Церкви. По поводу современных религиозных запросов» (1904); «Евангелие как основа жизни. По поводу современных социально-экономических вопросов» (1906); «О христианской благотворительности» (1908); «Современные враги креста Христова» (1908); «Блаженства Господни. Евангельская правда и "правда" современного социализма» (1909); «О причинах современного неверия» (1910) и др. Основой для некоторых из перечисленных статей послужили доклады, сделанные Д. И. Богдашевским на заседаниях Киевского православного религиозно-просветительского общества, почетным членом которого он был избран 28 января 1907 г. (ИР НБУВ. Ф. 191. №. 5. Л. 1).

[54] Вместе с профессорами В. З. Завитневичем и В. П. Рыбинским.

[55] Главным итогом деятельности межакадемического комиссии и нескольких рабочих совещаний с участием всех членов Св. Синода явилось обнародование Синодального указа от 30 ноября 1905 г., признававшего необходимость: расширения прав академических советов и наделения их высшей компетенцией в научных, учебных и воспитательных делах; придания попечительного характера местной епархиальной власти; осуществления принципа выборности академического руководства; разработки к 1 февраля 1906 г. проектов нового духовно-академического устава. Введение «временных правил» стало разумным компромиссом, позволившим направить жизнь высшей духовной школы в нормальное русло и возобновить в академиях учебный процесс, прерванный осенью 1905 г. протестными акциями студентов, проходившими под лозунгами академического самоуправления. Подробнее см.: Ткачук М. Л. Трансформационные процессы в духовной школе начала XX века: опыт Киевской духовной академии // ТКДА. № 14. К., 2011. С. 109–121.

[56] Комиссия преподавателей КДА, в которую, помимо Д. И. Богдашевского, входили Н. М. Дроздов, А. А. Дмитриевский, В. З. Завитневич, прот. Ф. И. Титов, В. П. Рыбинский, В. И. Экземплярский, П. П. Кудрявцев, в декабре 1905 г. — январе 1906 г. разработала и подала на обсуждение Совета проект устава православных духовных академий, направленный на утвер-

шего Синода, профессор Богдашевский представлял КДА в комиссии, занимавшейся в марте–декабре 1909 г. разработкой нового устава духовных академий, вступившего в действие в 1910 г. В заседаниях комиссии, проходивших в Санкт-Петербурге, он участвовал с марта по июнь 1909 г. — до назначения на должность инспектора КДА, состоявшегося 16 июня 1909 г.[57] Весьма примечательно, что Д. И. Богдашевский, примкнувший к этому времени к консервативно настроенному крылу киевской духовно-академической профессуры, в своей «Записке о курсе наук, преподаваемых в православных Духовных Академиях и о характере их преподавания» (1909), составленной в бытность членом указанной Синодальной комиссии, придерживается ряда принципиальных положений, выработанных либерально настроенной комиссией КДА (в состав которой, как мы помним, входил и он сам) в процессе подготовки проекта нового устава духовных академий в декабре 1905 г. — январе 1906 г. В частности, он практически воспроизводит ключевую статью 1 проекта устава, определяющую православную духовную академию, как «учено-учебное» учреждение, задача которого — «способствовать развитию богословской науки» и «доставлять высшее богословское образование в духе православия для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном, миссионерском и других поприщах деятельности», лишний раз уточняя при этом, что академии должны «защищать истину церковную»[58]. Более того, «учено-учебный» характер духовных академий он отстаивает и на заседаниях Синодальной комиссии, примыкая к той группе ее членов[59], которые трактовали духовную академию практически в той же формулировке — как «высшее богословское училище (школу), имеющее целью доставлять научное образование в духе православия, для просвещенного служения Церкви (преимущественно) на пастырском и духовно-учебном поприщах»[60]. Отвечает духу «киевского проекта» и высказываемое им в «Записке» и на заседаниях Синодальной комиссии

ждение их в статусе научно-учебных заведений и расширение академического самоуправления. Этот проект, рассмотренный и принятый на заседаниях Совета КДА в начале февраля 1906 г., был подан в Св. Синод. Но рассмотрение вопроса о новом уставе возобновилось в Синоде только в начале 1909 г. и на других основаниях.

[57] В последующих заседаниях комиссии КДА представлял профессор К. Д. Попов.

[58] ИР НБУВ. Ф. 191. № 105. Л. 2. Для сравнения приводим текст статьи 1 киевского проекта устава: «Православная богословская академия есть учено-учебное заведение, имеющее целью служить развитию православной богословской науки и доставлять высшее богословское образование для просвещенного служения Церкви на пастырском, учебном и др. поприщах деятельности» (Выработанный в собраниях Совета Киевской Духовной Академии 3, 4, 6, 7 и 8 февраля 1906 года проект устава православных богословских академий // ТКДА. 1906. № 8. С. 292–293).

[59] Указанную группу составили архиеп. Арсений (Стадницкий), академик А. И. Соболевский, профессор Казанской духовной академии И. С. Бердников и профессор Харьковского университета М. А. Остроумов.

[60] См.: Сухова Н. Ю. Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 40.

понимание важной роли светских наук в учебной программе духовных академий[61], и неприятие «академической многопредметности», создающей «ученый богословский дилетантизм»[62], и отстаивание «необходимости разграничения» между общеобязательными и групповыми предметами академического курса[63].

Здесь не место останавливаться подробнее на содержании «Записки» Богдашевского и на его участии в работе Синодальной комиссии — этот сюжет его биографии заслуживает более пристального внимания и специального исследования. Отметим лишь, что взгляды киевского профессора на проблему реформирования духовного образования являются лишним свидетельством преобладания в его понимании целей и задач духовных академий научных приоритетов, вполне отвечающих его собственной приверженности исследовательской деятельности и стремлению поднять православную богословскую науку в России на должную высоту.

Иное дело, что Дмитрию Ивановичу не всегда хватало стойкости и принципиальности в отстаивании собственных убеждений, в том числе и тогда, когда речь шла о научной составляющей академической деятельности. Печальным примером непоследовательности, связанной, вероятнее всего, с характерологическими особенностями его личности, легко подавляемой более энергичными и искушенными в служебных и житейских интригах старшими коллегами, является, в частности, его позиция в весьма неприглядном эпизоде, связанном с присуждением ученой степени магистра богословия Михаилу Кальневу, представившему на рассмотрение Совета КДА печатное сочинение[64], не имевшее ни формальных, ни содержательных качеств научного труда. Несмотря на позитивные отзывы рецензентов (профессора С. Т. Голубева и и. о. доцента священника Н. Н. Фетисова)[65], движимых стремлением «уважить» бывшего студен-

---

[61] «Требования, предъявляемые к православному богослову современной жизнью, — замечает Д. И. Богдашевский, — необыкновенно широки и многообразны. Нужна полнота, всесторонность и жизненность богословского знания, а это необходимо предполагает введение в курс академического преподавания и светских наук, которые оживляют собою чисто богословский элемент и способствуют лучшему его уяснению» (ИР НБУВ. Ф. 191. № 105. Л. 2).

[62] Там же.

[63] В этом положении, по убеждению Д. И. Богдашевского, «конечно, вовсе не сказались какие-нибудь “освободительные тенденции”. Здесь имело место искреннейшее желание содействовать возможно лучшей постановке дела академического преподавания. К необходимости указанного разграничения склонился в большинстве своих членов и V Отдел Предсоборного Присутствия. Подобное разграничение есть голос жизни, — голос самый настойчивый, нисколько не игнорирующий церковный характер духовной Академии, и желающий только лучшего усвоения и лучшей разработки богословской науки, в целях служения Церкви» (там же).

[64] См.: Кальнев М. Обличение лжеучения русских сектантов-рационалистов (штундобаптистов, адвентистов, «евангельских христиан», молокан, духоборов и др.). Одесса, 1913. 644 с.

[65] См.: Извлечение из журналов Совета Киевской духовной Академии за 1913–1914 учебный год // ТКДА. 1914. № 12. С. 248–279.

та академии, «заслуженного» миссионера и члена Предсоборного присутствия, ряд членов Совета высказали глубокое возмущение отсутствием в представленной работе не просто «научных достоинств», а хотя бы «нескольких страниц, которые бы удовлетворяли самым скромным научным требованиям»[66]. Подводя итоги своего обстоятельного анализа «литературного труда» М. Кальнева[67], профессор В. П. Рыбинский, например, высказал категорическое убеждение в том, что «академия ни в каком случае не может приложить к нему своей печати присуждением автору магистерской степени», и что «интересы богословской науки и польза миссионерского дела требуют того, чтобы книга г. Кальнева *была возвращена автору для существенной переработки*»[68]. Несмотря на такой поворот дела, С. Т. Голубев, заметив членам Совета, что «дефектов в сочинении г. Кальнева значительно менее, чем в некоторых других произведениях, великими похвалами увенчиваемых нашею академиею в качестве магистерских, докторских и премиальных», заявил, что официальные рецензенты «отнюдь не смущаются» высказанными «упреками и со спокойной совестью принимают на себя нравственную ответственность за сделанную ими оценку книги г. Кальнева»[69]. В процессе голосования на предмет допуска указанной работы к защите академический Совет раскололся ровно на две половины, и лишь голос ректора епископа Иннокентия (Ястребова) склонил чашу весов на сторону соискателя. Что же касается Богдашевского, голосовавшего «за», то его аргументация представляется весьма примечательной: «Сочинением М. Кальнева по прочтении его остался очень недоволен, особенно его экзегетикою, не имеющею вовсе научного характера. На основании академической практики, по которой главную ответственность за присуждение тому или другому автору ученой степени несут официальные рецензенты, присоединяюсь при голосовании к заключению последних»[70].

К сожалению, подобные компромиссы с научной совестью со второй половины 1900-х гг. стали для Д. И. Богдашевского едва ли не повседневной практикой в ситуации, которую он сам охарактеризовал достаточно красноречиво: «Академия погибает от разного рода интриганства и политиканства»[71]. Стоит ли говорить, что для человека, вну-

---

[66] Извлечение из журналов Совета Киевской духовной Академии за 1913–1914 учебный год // ТКДА. 1914. № 12. С. 279.

[67] См.: Извлечение из журналов Совета Киевской духовной Академии за 1913–1914 учебный год // ТКДА. 1914. № 12. С. 279–288; 1915. № 1. С. 289–303.

[68] Там же // ТКДА. 1915. № 1. С. 303.

[69] Там же. С. 303–304.

[70] Там же. С. 306. Защита М. Кальнева состоялась уже в бытность Богдашевского ректором КДА — 11 февраля 1915 г. С перевесом в 1 голос (8 — «за», 7 — «против») диссертанту была присуждена магистерская степень.

[71] Цит. по изд.: Ульяновський В. І. Двічі професор: Степан Голубєв в університетському та академічному контекстах. К., 2007. С. 118.

тренне предназначившего себя «только для науки» и отдававшего «всё для науки»[72], сознательно отказавшегося от семейных уз[73] и посвятившего всю свою жизнь академическому служению, а тем более, для человека мягкого, неконфликтного, не обладающего иммунитетом к чужим «влияниям» и «мнениям», такие компромиссы создавали постоянный дискомфорт и расшатывали и без того хрупкое душевное равновесие.

Как ни парадоксально, отнюдь не имевший карьерных устремлений, Богдашевский оказался «заложником» стареющей и «оскудевающей» партии «правых» профессоров, связывавшей с пребывающим в расцвете творческих сил ученым, авторитетным в академических кругах, независимо от их идейной «окраски», надежды на свое возвышение и возможность контроля ключевых сфер жизни Академии, замаскированные радением о соблюдении в ней «церковных устоев», на которые, заметим, и не думали посягать профессора-«либералы». В глазах академических «консерваторов» и их лидера С. Т. Голубева профессор Богдашевский — «не только доктор богословия, но и *известный ученый*, человек *церковный*, убеждений *твердых*, человек *идеи*, наичестнейший и благороднейший, горячий *патриот*»[74], тем более, «*холостяк, довольно пожилых лет*»[75] — был лучшей кандидатурой на высшие академические посты, включая ректорский.

О том же, сколь тягостными эти «карьерные» перспективы были для самого Богдашевского, стремившегося только к «чистому профессорству»[76], свидетельствуют его размышления, записанные 22 июня 1909 г., в день объявления о назначении его на должность инспектора КДА[77]. Словно ища оправдания своему новому статусу, он взвешивает его возможные «плюсы» и «минусы»: «Отказываться от инспекторства безмерно глупо: 1) обидно будет для митрополита; 2) возрадуются и возликуют кадеты[78]; 3) можно уклониться, прослуживши год; 4) мож-

---

[72] ИР НБУВ. Ф. 191. № 820. Л. 1.

[73] Сведения о «вдовстве» Д. И. Богдашевского с 1909 г., тиражируемые в современных энциклопедиях (включая «Православную энциклопедию», а также Интернет-энциклопедии «Википедия», «Древо» и др.), не имеют под собой никаких оснований: он никогда не состоял в браке, о чем свидетельствует как множество архивных документов, так и вполне доступные для исследователей опубликованные материалы (см., например: Из академической жизни // ТКДА. 1914. № 9. С. 196).

[74] Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1907–1908 учебный год // ТКДА. 1908. № 1. С. 121.

[75] Там же. Заметим, что подобной характеристики Богдашевский «удостоился» в 47-летнем возрасте.

[76] ИР НБУВ. Ф. 191. № 72. Л. 5.

[77] 22 июня 1909 г. указ Св. Синода о назначении Богдашевского (от 16 июня 1909 г.) был официально заслушан Правлением КДА и внесен в его формулярный список. См.: Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1909–1910 учебный год // ТКДА. 1910. № 1. С. 3–4.

[78] Т. е. партия профессоров-либералов.

но уклониться от монашества, если предложат; 5) наряду со скорбями, инспекторство доставляет, может быть, и радость...»[79]. И, наконец, главная причина для тревоги: «меньше времени будет заниматься Св. Писанием», что, в его понимании, ставит под угрозу осуществление его главной жизненной цели и предназначения[80].

Однако рациональность и привычка к добросовестному выполнению своих обязанностей берут верх над сомнениями, и уже спустя несколько дней он набрасывает тезисы «Что сказать студенчеству?» (25 июня 1909 г.), а также проект своей первой речи в качестве инспектора КДА (27 июня 1909 г.). К этому времени он находит действительно значимые для него моменты, позволившие ему принять инспекторство «идейно»: «Упадок церковности. Нужно ее поднять, — записывает Богдашевский. — Я всегда любил студенчество....Если я взялся за инспекторство, то с уверенностью, что буду чем-нибудь полезен студенчеству»[81]. И тут же главная цель («дисциплину в Академии нужно как-нибудь завести») и программа-минимум: периодически посещать занятия; напомнить студентам о необходимости посещения Церкви и утренней молитвы; контролировать студенческую библиотеку; «безусловно воспретить» вхождение женщин в корпус или столовую; «молитву завести пред обедом и после обеда, пред уроком и после урока обязательно»; постепенно добиться от студентов обязательного посещения исповеди и т. д.[82]

«Идейно» восприняв свой новый статус инспектора, спустя год Дмитрий Богдашевский решает принять священный сан. 5 сентября 1910 г. в Благовещенской конгрегационной академической церкви состоялось его рукоположение во священника. 29 сентября его возводят в сан протоиерея и награждают камилавкой. В это же время он в течение нескольких месяцев исполняет обязанности ректора вместо назначенного на Оренбургскую и Тургайскую кафедру (13 августа 1910 г.) епископа Феодосия (Олтаржевского). «Как горячо желал я видеть Вас не временным, а постоянным начальником Академии, — писал ему митрополит Киевский Флавиан (Городецкий) 22 августа 1910 г. — Но что делать: если Вы не можете решиться на трудный для Вас шаг (монашество — *М. Т.*), то я не смею насиловать Вашу волю и вынужден назначить Ректора Академии извне»[83]. 6 октября новым ректором КДА становится епископ Иннокентий (Ястребов), а протоиерей Димитрий Богдашевский продолжает выполнять свои многочисленные академические обязанности — инспектора, профессора (после введения в действие устава 1910 г. — первой кафедры Священного Писания Нового Завета) и ре-

[79] ИР НБУВ. Ф. 191. № 72. Л. 5.
[80] Там же.
[81] Там же. Л. 4–6.
[82] Там же. Л. 6, 8.
[83] Там же. № 881. Л. 1.

дактора «Трудов Киевской духовной академии» (последнее поручение было возложено на него указом Синода от 15 января 1910 г.[84]).

Спустя три года отец Димитрий приходит к глубоко осознанному решению о принятии монашества. Чин монашеского пострижения 24 сентября 1913 г. совершил митрополит Флавиан (Городецкий) в Ближних (Антониевых) пещерах Киево-Печерской Лавры[85]. Нареченный в монашестве Василием, 5 октября того же года Богдашевский был возведен в сан архимандрита.

В соответствии с указом Святейшего Синода от 14 июля 1914 г. ректор КДА епископ Иннокентий (Ястребов) был назначен на Полоцкую и Витебскую кафедру. Тем же указом объявлялось о «бытии» архимандрита Василия (Богдашевского) епископом Каневским, первым викарием Киевской епархии. Синодальным указом от 29 июля 1914 г. Василий (Богдашевский) назначался ректором Киевской духовной академии и настоятелем Киево-Братского Богоявленского монастыря[86].

5 августа 1914 г. в Благовещенской церкви Киево-Печерской Лавры митрополитом Флавианом (Городецким) и викариями Киевской епархии епископом Чигиринским Никодимом (Кротковым), епископом Черкасским Назарием (Блиновым) и епископом Уманским Димитрием (Вербицким) был совершен чин наречения архимандрита Василия (Богдашевского) во епископа. На следующий день, 6 августа, в Киево-Софийском кафедральном соборе свершилась его хиротония в епископский сан.

В свете последующих событий представляется весьма символичным тот факт, что новые важнейшие страницы в биографии владыки Васи-

---

[84] Распространенные в современных энциклопедических изданиях сведения о том, что с 1910 г. Богдашевский являлся главным редактором ТКДА требуют уточнения: с 1879 г. главными редакторами и цензорами ТКДА были ректоры академии; непосредственные же функции руководства редакцией и подготовкой очередных номеров журнала выполняли утверждаемые Св. Синодом на двухлетний срок редакторы из числа профессоров КДА. Д. И. Богдашевский утверждался таким редактором трижды: на 1910 и 1911 гг.; на 1912 и 1913 гг., на 1914–1915 гг. Но после назначения его на пост ректора, с 16 августа 1914 г. и до конца существования журнала (1917) функции фактического редактора ТКДА выполнял экстраординарный профессор кафедры истории Греко-Восточной Церкви прот. Николай Гроссу. Став ректором КДА, Богдашевский, как и его предшественники на этом посту, считался главным редактором и цензором журнала, но не с 1910 г., а в 1914–1917 гг.

[85] О значении этого события в своей жизни Василий (Богдашевский) впоследствии говорил так: «Когда я принимал монашество в пещере преподобного Антония, я научался: смиряйся, как смирялся преподобный; люби всех, как любил преподобный; в молитве находи утешение. Если ослабеваешь, если унываешь, вспомни о пещере прп. Антония, о его подвижнических трудах. В священном сумраке этой пещеры найдешь утешение и ободрение. Духа не угашай; воинствуй, доброе воинство!» (Речь, сказанная архимандритом Василием, ректором императорской Киевской Духовной Академии, при наречении его во епископа Каневского, в Благовещенской церкви Киево-Печерской Лавры, 5 августа 1914 г. // ТКДА. 1914. № 9. С. V.).

[86] См.: Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1914–1915 учебный год // ТКДА. 1915. № 7. С. 6–8.

лия (Богдашевского), касающиеся его епископского служения и его ректорства, совпали с началом тектонических изменений в истории Российской империи, связанных с Первой мировой войной. С 1 августа 1914 г. Россия находилась в состоянии войны с Германией. 6 августа, когда в Софийском соборе совершалось торжество рукоположения владыки Василия, войну России объявила Австро-Венгрия. Предчувствуя грядущие перемены и трудные времена, в свой «настоящий великий и радостный день» епископ Василий имел все основания сказать: «Господь призывает меня к епископскому служению в то время, когда епископу нашей Церкви необходимо понести всякую тяготу дня и зной. <...> Церковная жизнь значительно усложнилась; наступили новые задачи, новые церковные запросы, которые требуют разрешения. <...> Господь призывает меня к епископскому служению для делания на академической ниве в то время, когда Академия наша готовится к празднованию своего 300-летнего бытия. <...> Много предстоит труда, много требуется напряжения духовных сил, чтобы встретить этот достославный день подобающим образом. Нужна работа единая, дружная, совместная. <...> Я готов отдать дорогой Академии все свои силы, как отдавал их до сих пор, не отвлекаясь ничем посторонним. Сначала много лет моя деятельность была чисто профессорской; затем присоединилась деятельность административная; отныне моя деятельность принимает практически-административный характер. Эта деятельность более трудная, ибо погрешности в живой действительности дают себя сильнее и непосредственнее чувствовать, чем ошибки в области чисто теоретической.

В настоящий знаменательный день моей жизни я с особенною ясностью сознаю всю высоту пастырского душепопечения. Нужно всецело посвятить себя на служение Богу и людям, <...> нужно умирать, чтобы жить; нужно скорбеть, чтобы радоваться; нужно обогащать, чтобы быть богатым»[87].

Конечно же, говоря о «трудных временах» епископ Василий вряд ли представлял себе то, что ожидало Alma mater, ее профессоров и студентов не просто в ближайшие годы, но уже буквально в ближайшие месяцы. С каждым днем война всё больше вторгалась в их жизнь и нарушала ее привычный уклад.

Поначалу до Академии доходили лишь ее отголоски: по-прежнему шли занятия, писались сочинения и проповеди, сдавались экзамены, защищались диссертации. Но мысли всех и каждого всё больше были заняты событиями на фронте, желанием сделать что-то, что приблизит мир — это, говоря словами епископа Василия, «вожделенное благо для всех... и для науки, ибо она созревает, развивается и крепнет только в мире; она плод мира;

[87] Речь, сказанная архимандритом Василием, ректором императорской Киевской Духовной Академии, при наречении его во епископа Каневского. С. III–V.

наука требует тишины, спокойствия, никем не тревожимой ученой клети»[88]. Ради этого «вожделенного блага» с осени 1914 г. студенты рвутся на фронт, а в академической больнице размещают лазарет для раненых офицеров, содержащийся преподавателями и служащими Академии за счет трехпроцентных отчислений. Большая часть студентов КДА, постигая реальный опыт христианского милосердия, даже во время экзаменов дежурит в киевских госпиталях, ухаживает за ранеными и утешает страждущих; готовит подарки фронтовикам к рождественским и пасхальным праздникам; участвует в сборе средств на военные нужды. При этом всё меньше времени и сил остается для учебных и научных занятий, страдает дисциплина и, в конечном счете, давно сложившийся, размеренный ритм академической жизни. Нечто новое проявилось даже в ставшей привычной борьбе профессорских «партий»: «Не успели мы, правые, — сетовал архимандрит Тихон (Лященко), сменивший владыку Василия на посту инспектора КДА, — взять верх в Совете, как уже и перессорились! <...> и согласия между правыми теперь ждать нельзя. Грустно!»[89].

Осенью 1915 г., вместо начала учебного года и проведения долгожданных, давно распланированных юбилейных торжеств по поводу 300-летия Киевской академии[90], КДА пришлось готовиться к эвакуации в Казань. Упаковывались экспонаты Церковно-археологического музея; предполагались отправка библиотеки, переезд ректора, Правления и «насельников» училищного Киево-Братского монастыря[91]. Совет Академии во главе с ректором предпринимал усилия для того, чтобы с 10 января 1916 г. начать занятия в стенах Казанской духовной академии[92]. Постоянная тревога и суета довели проведшего большую часть жизни в «ученой клети» и не готового к столь масштабной организационной и хозяйственной деятельности еп. Василия до нервного истощения[93]. К счастью, изменившаяся ситуация на фронте позволила приоста-

[88] Василий, еп. Речь перед началом учебных занятий, сказанная за молебствием 16 сентября 1914 г. // ТКДА. 1914. № 9. С. XXVII.

[89] Цит. по изд.: Клементьев А. К. Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского (в его переписке с проф. Н. Н. Глубоковским) // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII–XXI веков. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2007. С. 110.

[90] Юбилейные торжества были перенесены на октябрь 1916 г., однако провести их так и не удалось. Сама же памятная дата (15 октября 1915 г.), совпавшая с подготовкой КДА к эвакуации, была ознаменована торжественным актом, проведенным после Божественной литургии, панихиды по почившим наставникам и молебна о здравии профессоров и студентов.

[91] См.: Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1915–1916 учебный год // ТКДА. 1916. № 11. С. 83.

[92] Следует отметить то искреннее участие в судьбе КДА, которое проявила Казанская академия во главе с ее ректором, воспитанником и бывшим профессором КДА еп. Анатолием (Грисюком).

[93] Делясь своим тревогами по этому поводу с профессором Санкт-Петербургской духовной академии Николаем Глубоковским, 1 сентября 1915 г. архим. Тихон (Лященко) писал: «Владыка наш Ректор болен неврастенией, и растерялся в этих исключительных обстоятельствах,

новить эвакуационные мероприятия и с 1 декабря 1915 г. начать учебный процесс в родных стенах — хотя, при этом в общежитии КДА пришлось разместить школу прапорщиков, распустить студентов по частным квартирам и провести учебный год в сокращенном объеме[94].

Новости о февральских событиях в Петрограде 1917 г., нарушившие повседневную жизнь Киева и создавшие атмосферу всеобщей революционной эйфории, нашли самый живой отклик и в Киевской духовной академии. Ректор и Совет, приветствуя Временное правительство, не скрывали своих надежд на его содействие «возрождению церковной жизни, развитию православного христианского просвещения <...>, устроению государственной и общественной жизни на высоких началах христианской свободы и правды»[95]. Как и следовало ожидать, в свете революционных событий на повестке дня встал вопрос о приведении духовно-академического образования в соответствие с актуальными задачами Православной Церкви и богословской науки. 24–27 марта 1917 г. Святейший Синод издал указ о введении «Временных правил для духовных академий», содержавших наряду с элементами академического самоуправления, выработанными в 1905 г., ряд новаций, соответствующих демократическим веяниям времени. Поддержанные и дополненные Советами духовных академий (в том числе и Киевской), «Временные правила» в откорректированном виде были утверждены Синодальным определением от 5–6 мая 1917 г. В том же месяце делегация преподавателей КДА приняла участие в работе межакадемической комиссии, выработавшей к 5 июня 1917 г. проект Временного устава православных духовных академий. Предполагалось, что Временный устав, утвержденный Синодом 29 июля 1917 г., вступит в действие с нового 1917–1918 учебного года. Всестороннее же рассмотрение вопросов духовно-академического образования, в том числе — разработку полноценного устава духовных академий, планировалось осуществить на предстоящем Поместном Соборе, открывавшем свои заседания 15 августа 1917 г.

Выстраивая отношения с «общероссийской» государственной и церковной властью и принимая участие в деятельности их структур, Киевская духовная академия не могла, конечно, не реагировать и на сугубо украинские реалии, поставившие на повестку дня вопросы украинизации церковной жизни, образования, культуры, а также пересмотра канониче-

переживаемых Академией, настолько, что не дай Бог, немцы займут Киев, мы навеки покроем себя позором, что не спасли драгоценности, накоплявшиеся 300 лет» (цит. по изд.: Клементьев А.К. Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона... С. 112).

[94] См.: Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1915–1916 учебный год // ТКДА. 1916. № 11. С. 88.

[95] Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее — ЦГИАК). Ф. 711. Оп. 3. Д. 3876. Л. 11.

ского статуса Православной Церкви на территории Украины. Бурные обсуждения этих вопросов Советом КДА в августе — сентябре 1917 г. закончились, как известно, единодушным принятием протеста «против насильственной украинизации южной России» (о своем «протесте» заявил и Университет Святого Владимира). Однако свершившийся вскоре Октябрьский переворот и установление в России большевистского режима заставили Совет КДА, совершенно лишившейся государственной поддержки и, соответственно, источников к существованию, пересмотреть свое отношение к «местной» власти и ее установлениям. В частности, в январе 1918 г. в Священный Синод (в подчинении которого продолжали находиться православные духовные академии) было подано ходатайство об открытии трёх украиноведческих кафедр (истории, литературы и языка) и кафедры западно-русского права. Уведомляя об этом шаге соответствующие структуры Центральной Рады, Академия просила о финансовой поддержке «старейшего ученого заведения в крае». Однако предпринятые шаги оказались безрезультатными[96].

Следует отметить, что «внешние факторы», связанные со сменой властей, разрушением старых государственных структур, перипетиями в церковной жизни, постепенным нарастанием хаоса во всех сферах общественной жизни, финансовым и продовольственным кризисом, бешеным ростом цен и тарифов, нехваткой элементарных товаров, повседневными бытовыми проблемами, приобретали довлеющее значение в жизни КДА уже с лета 1917 г. Делясь наболевшим с давним своим корреспондентом профессором Николаем Никаноровичем Глубоковским, еще в июле 1917 г. епископ Василий писал: «...Прямо можно остаться без куска хлеба. “Труды Академии” почти прекратили свое существование, так как цены типография запрашивает ужасающие»[97]. А спустя полгода в полном отчаянии сообщал тому же адресату о «критическом» финансовом состоянии, в котором оказалась КДА: «Больше 70 т[ысяч] Академия имела свободных денег, а теперь остались только крохи на выдачу жалованья в январе месяце. К Патриарху обращаться не можем, так как теперь у нас существует свое правительство — Центральная Украинская Рада. <...> Обещали оказать Академии всяческую поддержку, но пока ограничиваются только словами. Положение наше прямо отчаянное. Думали заложить % бумаги, но ни один банк за них теперь не выдает никакой ссуды. Отправили Патриарху телеграмму с просьбою разрешить заложить дом, принадлежащий Академии, но ответа до сих пор нет. Слава Богу, учебный год как-то закончили, и студенты 10 января

[96] Антоній (Паканич), архієп. Внесок Київської духовної академії в розвиток українознавства (XIX — початок XX ст.) // ТКДА. № 14. К., 2011. С. 20.

[97] Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви / Сост. М. Д. Склярова. СПб., 1994. С. 157.

могут отправляться по домам. Учились два месяца, а месяц производили экзамены. <...> Чувствую себя крайне разбитым, прямо истерзанным. Хотелось бы куда-нибудь уехать и не видеть, что творится. Но такого уголка... в России нет. Крепко уповаю, что настанут скоро времена не столь тяжкие. Дай Бог!»[98].

Увы, 1918 — начало 1919 гг. в истории Киевской духовной академии можно смело назвать периодом несбывшихся надежд и нереализованных инициатив. В частности, немало усилий Совета КДА было затрачено в январе — марте 1918 г. на разработку и согласование положений нового устава, приспособленного к украинским реалиям и закреплявшего принципы выборности ректора и профессорско-преподавательского состава; еще больше сил ушло на его утверждение в июле 1918 г. Однако, даже несмотря на определенную финансовую поддержку, оказанную КДА (не без протекции близкого к ней министра исповеданий профессора Университета Святого Владимира Василия Зеньковского) правительством гетьмана Павла Скоропадского, в условиях военного времени и всеобщего хаоса насущных академических проблем это уже не решало: «Думаем начинать занятия с 1-го августа, — писал епископ Василий в июле 1918 г., — но здание Академии занято австро-германскими войсками, и надежды на освобождение его не предвидится. В городе свободных квартир нет, да и цены на них прямо бешеные. Может быть, Академия соберет 40–50 студентов, которые найдут службу в Киеве и с ними придется заниматься. Прошений о поступлении в Академию очень мало (не более пока 30). <...> Все почти профессора сидят в Киеве и только и думают о насущном куске хлеба. С пропитанием — истинное горе. <...> Чувствую себя крайне больным, но сижу и всё терплю в надежде на помощь Божью»[99].

Последней каплей стало «пришествие» большевиков в январе 1919 г. С принятием декрета Временного рабоче-крестьянского правительства Украины «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (19 января 1919 г.) стало совершенно очевидным, что дни Академии сочтены. Сообщая Глубоковскому о последних новостях, спустя месяц, епископ Василий писал: «Фактически Академия наша еще не закрыта, но жалованья уже не получаем. Решились на днях обратиться к советской власти с просьбой утвердить нашу смету на 1919 г. Конечно, дело безнадежное. Склоняются у нас к мысли о присоединении Академии к Украинскому Университету. Но едва ли из этого что-нибудь выйдет. Да и нельзя губить Академию; за это осудит нас история. Лучше уже временно пострадать, нежели ради своих материальных выгод пожертвовать нашею школою. <...> Библиотека наша

[98] Сосуд избранный. С. 208–209.
[99] Там же. С. 243

присоединена к Академии Наук. <...> Научная работа совершенно прекратилась, и теперь профессора думают только о том, как бы не умереть с голода. <...> Академия занята пока безбожниками. Имущество Академии почти всё уничтожено»[100].

«Черный» день в истории КДА наступил 3 апреля 1919 г.: указом рабоче-крестьянского правительства учебное заведение с трехвековой историей было закрыто. Ее профессорам и студентам, считавшимся уволенными с 1 апреля, предлагалось искать пристанища в университете или других вузах. Уже в середине апреля в Академии орудовала «ликвидационная комиссия» во главе с комиссаром Блиновым. В ходе реквизиции оставшегося имущества были вывезены не только «текущие дела и архивы канцелярии», но и «запасы матрац, одеял, простынь, скатертей и т. п.»[101]. Дабы не остаться без жилья и книг, епископу Василию еще в феврале 1919 г. довелось выхлопотать специальное удостоверение Комиссариата образования в том, что его квартира подлежит реквизиции только в крайнем случае и с ведома комиссара образования[102].

Проблеск надежды на сохранение Академии принесла очередная смена власти: 31 августа 1919 г. в Киев вступила Добровольческая армия. Депутация во главе с ректором лично приветствовала «освободителя» — генерал-лейтенанта Н. Е. Бредова[103]. Переполняемый чувствами, Совет КДА принял решение пожертвовать на нужды «добровольцев» с трудом сохраненные от реквизиции серебряные ложки и бельё, а также ежемесячно отчислять из жалованья даже не 3 (как в 1914 г.), а 10%[104]. Воспрянув духом и возобновив занятия, 22 сентября 1919 г. Академия торжественно отпраздновала 50-летие педагогической деятельности одного из своих старейшин — заслуженного профессора протоиерея Иоанна Королькова. Однако с середины декабря в Киеве вновь воцарились большевики, в глазах которых «рассадника мракобесия» давно не существовало[105].

Утратив последнюю надежду на сохранение Академии в прежнем качестве, остававшаяся в Киеве немногочисленная часть духовно-академической профессуры во главе с ректором, терпя невероятные лишения[106], вынуждена была заняться реализацией замысла, родившегося еще в апреле 1919 г. Уже тогда, информируя патриарха Тихона о закрытии КДА

[100] Сосуд избранный. С. 263.

[101] Там же. С. 265.

[102] ИР НБУВ. Ф. 191. № 131. Л. 1.

[103] ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 3. Д. 4072. Л. 9.

[104] Там же. Л. 6–8, 14 об.

[105] Последняя попытка «отбить» Киев у большевиков была предпринята польскими и украинскими войсками в мае 1920 г. С 12 июня 1920 г. город окончательно стал «советским».

[106] Об этом красноречиво свидетельствует еп. Василий в письме Глубоковскому от 20 января 1920 г.: «...голодаем и находимся в холоде. Академия закрыта и не получает ни одной копейки, так что профессора вынуждены грузить дрова» (Сосуд избранный. С. 279).

большевистскими властями, епископ Василий писал о намерении «открыть Академию, как частное высшее учено-учебное заведение, содержимое на средства Церкви и при поддержке православного народа»[107]. В соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», содержащим положение о том, что «граждане могут обучать и обучаться религии частным образом», это был единственный легальный способ сохранить не просто институцию, а саму возможность богословского образования в государстве, принципиально отрицающем религию и религиозное просвещение.

По свидетельству епископа Василия, «ходатайство о разрешении открыть Академию как частное учебное заведение» было подано властям в январе 1920 г.[108] Решением от 3 февраля 1920 г. Киевский губисполком санкционировал деятельность Киевского православного богословского общества и его учебного заведения — Киевской православной богословской академии (КПБА)[109]. В этом статусе КДА продлит свое существование еще на четыре года.

В уставе КПБА[110], непосредственное участие в подготовке которого принимал епископ Василий (Богдашевский)[111], закреплялся ряд принципиальных положений, касающихся статуса духовных академий и начал их деятельности, выработанных в процессе многолетних дискуссий (в том числе — в стенах КДА). Определяя целью КПБА «дать высшее богословское образование лицам, ищущим такого образования для подготовления их на служение Церкви Православной на пастырском и иных поприщах церковной деятельности», устав подчинял ее церковной власти («Священному Собору Епископов Украины (Синоду) и Высшему Церковному Совету») и «ближайшему наблюдению» митрополита Киевского. В то же время предполагалось, что внутренняя деятельность КПБА будет осуществляться на принципах самоуправления (касавшегося всех сфер академической деятельности, включая определение перечня изучаемых дисциплин, содержание учебных программ, длительности семестров и т. д.) и выборности (ректора, академического совета, профессоров).

Как свидетельствует устав, КПБА, в отличие от прежних духовных академий (в том числе — КДА), была задумана как узкоспециализированное учебное заведение богословского профиля (изучались *только* богословские науки), предполагавшее 3-летнее обучение по семестровой

[107] ИР НБУВ. Ф. 191. № 26. Л. 1.

[108] Сосуд избранный. С. 279.

[109] См.: Соколовський О.К. Церква Христова. 1920–1940. Переслідування християн в СРСР. К., 1999. С. 18.

[110] ИР НБУВ. Ф. 160. № 903. Л. 22–24. См. также: Стародуб А.В. Статут Київської православної богословської академії (1920–1924) // ТКДА. № 12. К., 2010. С. 253–258.

[111] ИР НБУВ. Ф. 191. № 105. Л. 12–14.

системе (6 семестров). Обучение включало посещение лекций, подготовку сочинений (одного в семестр), проповедей (одной в два семестра), семестровые экзамены, специализацию по трем родственным богословским дисциплинам (два последних семестра), написание кандидатского сочинения. Уставом определялся также порядок присуждения степеней магистра, доктора и почетного доктора, регламент деятельности совета и т. д. Предполагалось, что КПБА может издавать периодический духовный журнал и труды богословского характера.

Если регистрация учебного заведения и его устава были осуществлены довольно быстро и успешно, то наладить его реальное функционирование оказалось крайне непростой задачей. Едва ли не труднейшей стала проблема кадров, причем как преподавательских, так и студенческих. На протяжении 1917–1920 гг. профессорская корпорация КДА фактически утратила большую часть своих членов — многие ушли из жизни, кто-то оказался в эмиграции, кто-то, в поисках хлеба насущного, переселился в деревню, устроился в другой вуз. Практически не осталось и студентов. «Академия наша существует и кое-что делает, — писал епископ Василий в июле 1920 г. — Произвели выпуск студентов IV курса в количестве 8 человек; подвергаются испытанию и некоторые из студентов первых курсов, живущие в Киеве. Читают кандидатские сочинения; один из студентов представил даже сочинение на степень магистра богословия (в рукописи)»[112]. А вот выдержка из письма, датированного 20 августа 1920 г.: «В нынешнее время Академия наша, как и другие Академии, собственно не существует. Новых слушателей не имеет, и нет надежды на их поступление. Все наше существование ограничивается тем, что "ликвидируем старую Академию": экзаменуем некоторых студентов, читаем семестровые и кандидатские сочинения. Скоро, кажется, и эта работа может прекратиться. <...> Осталось нас ныне не более 12–15 человек (В. П. Рыбинский, А. А. Глаголев, В. Д. Прилуцкий, Л. А. Соколов, Г. Г. Попов, М. Ф. Оксиюк, Н. Н. Фетисов, С. И. Чернышов, В. Ф. Иваницкий, Ф. И. Мищенко, И. Н. Корольков, С. Т. Голубев, Н. С. Гроссу, В. З. Завитневич)»[113]. Последующие несколько месяцев тоже не приносят желаемых результатов. 14 октября 1920 г. владыка пишет: «Наша Академия, к великому прискорбию, почти умерла и никак нельзя ее восстановить, потому что студентов нет и профессора многие отсутствуют. Что дальше будет неизвестно, но утешительных перспектив не предвидится. Открыты "пастырские" курсы, и они "оттянули" важнейшие профессорские силы. Предложил я читать лекции "по домам"... но ничего пока из этого не выходит. И это понятно: каждый профессор теперь толь-

[112] Сосуд избранный. С. 283.
[113] Там же. С. 286–287.

ко и думает, как бы найти платную службу и таким образом не умереть с голода»[114].

В 1921–1923 гг. ситуация несколько улучшилась и стабилизировалась (количество студентов достигало 35 человек), однако о прежних масштабах деятельности не могло быть и речи[115].

Кроме кадровой, существовали и проблемы материального свойства. Прежде всего, КПБА не располагала помещениями для занятий (не говоря уже об общежитиях): лекции читались, преимущественно, на дому у преподавателей (ничего другого в сложившейся ситуации не оставалось). Остро стояла и проблема финансирования. В соответствии с уставом, КПБА содержалась на средства Церкви, Киевского православного богословского общества и добровольные пожертвования верующих (собирались в киевских храмах и монастырях[116]). Вероятнее всего, эти пожертвования[117] и составляли основной источник существования Академии, едва сводившей концы с концами.

Тем не менее, благодаря подвижническим усилиям ректора и преподавателей, в КПБА осуществлялся реальный учебный процесс: читались лекции, принимались экзамены, писались семестровые и кандидатские сочинения[118]. И то, что это происходило в эпоху становившегося всё более воинственным «безбожничества», было почти чудом.

В рамках нашего очерка, посвященного академической деятельности епископа Василия (Богдашевского), мы сознательно не касаемся темы его церковного служения — на сегодняшний день эта тема остается крайне мало изученной и требующей специального исследования. Такого же всестороннего исследования требует и деятельность КПБА, только недавно ставшая предметом научных изысканий[119]. Можем лишь предположить, что арест епископа Василия 4 апреля 1923 г., в ночь разгрома Киевского епархиального управления, не принявшего обновленчества, его последующее осуждение и ссылка в с. Ижму[120] (май 1923 г. — август 1924 г.) сыграли роковую роль в судьбе КПБА, прекратившей свое существование, по свидетельству историков, в 1924 г.[121]

---

[114] Сосуд избранный. С. 293.

[115] См.: Стародуб А. Академія в останні роки свого існування (1919–1923) // Наукові записки НаУКМА. Т. 35: Київська Академія. К., 2005. С. 75.

[116] См.: ИР НБУВ. Ф. 191. №№ 42, 43, 44.

[117] Посильную «гуманитарную помощь» коллегам высылал из Берлина бывший инспектор КДА архим. Тихон (Лященко), впоследствии — архиепископ Берлинский в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. См.: ИР НБУВ. Ф. 191. № 875. Л. 1; № 876. Л. 1.

[118] См., например: ИР НБУВ. Ф. 160. № 903; Ф. 191. № 55, 56 и др.

[119] См. упомянутые выше статьи киевского историка Андрея Стародуба.

[120] Ныне — в Республике Коми Российской Федерации.

[121] См.: Стародуб А. Статут Київської Православної Богословської Академії (1920–1924). С. 253.

О последних годах жизни владыки Василия (Богдашевского), возведенного по возвращении в Киев в сан архиепископа (1925), известно очень мало. Весьма противоречивыми являются и сведения о его кончине (в одних источниках причиной указывают голод[122], в других — тяжелую болезнь[123]) и даже ее дате (называют 25 февраля[124] и 10 марта 1933 г.[125]). Не имеют основания и распространенные сведения о том, что владыка Василий «был похоронен на кладбище Никольского мужского монастыря, позднее уничтоженном вместе с обителью»[126]: ныне прах архиепископа Василия покоится на 17-м участке государственного историко-мемориального заповедника «Лукьяновское кладбище»[127] (был ли он похоронен в Братском монастыре[128], также еще предстоит выяснить).

Однако уже сейчас с полной достоверностью можно сказать о том, что жизнь и деятельность архиепископа Василия (Дмитрия Ивановича Богдашевского) — неотъемлемая и значимая часть истории Киевской духовной академии. На его долю выпали самые трагические страницы этой истории. И удивительно то, что при всей противоречивости своей личности, при всей неприспособленности ко всему, что находилось за порогом его «ученой клети», владыка Василий оказался настоящим хранителем Академии, академического достояния и достоинства как таковых, не смирившимся с их попранием и до последней возможности пытавшимся сберечь то, что было вверено ему Божьим Промыслом. Воспринимая Академию как «подлинно духовную мать», давшую ему «высшее духовное бытие»[129], он остался преданным ее сыном и до конца разделил ее судьбу, будучи убежденным в том, что тяжкие испытания — неотъемлемая часть пути к истине и добру. Его завет «академического делания» и сегодня указывает путь наставникам и воспитанникам возрожденных духовных школ.

---

[122] См.: Косик О. В., Небольсин А. С., Петрушко В. И. Василий (Богдашевский), архиепископ Каневский // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 75–78.

[123] В своих воспоминаниях В. П. Рыбинский описывает ее так: «Кончина его была трогательная и такая, которая, по мнению верующих людей, посылается только праведникам: будучи тяжко больным, несмотря на запрещение врача, он все-таки пошел служить всенощную, сказав, будто бы: "Хочу умереть в церкви". И, действительно, по дороге в церковь около Успенского собора упал и моментально скончался. Сейчас же его перенесли в Братский монастырь, облачили, и всенощную, которую он хотел служить, ему пришлось слушать уже во гробе». ИР НБУВ. Ф. 33. Д. 937. Л. 39 об. — 40.

[124] См.: Білокінь С. О. Анатолій Жураковський і київські йосифляни. Документальне дослідження. К., 2008. С.91.

[125] См.: Косик О. В., Небольсин А. С., Петрушко В. И. Василий (Богдашевский).

[126] См., например, статью «Василий (Богдашевский)» в Википедии.

[127] См.: Проценко Л., Костенко Ю. Лук'янівське цивільне кладовище. Путівник. К., 2001. С. 61. Год смерти, указанный в путеводителе, — 1925.

[128] Как указывает об этом В. П. Рыбинский. См.: ИР НБУВ. Ф. 33. Д. 937. Л. 40.

[129] См.: Василий, еп. Речь воспитанникам, окончившим Академию (LXVIII выпуск), сказанная пред молебствием в конгрегационной академической церкви 31 мая 1915 года // ТКДА. 1915. № 6. С. II.

Издательство православной богословской литературы “АКСИОН ЭСТИН” (Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).
-

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: **info@axion-estin.ru**